

Слушая слова Ван Лин, Чжоу Сяошу вспомнил тот случай и начал задумываться. Он начал размышлять о том, как У Ган так спокойно и легко произнес фразу «мама умерла», начал невольно представлять, какую жизнь прожил У Ган за эти годы, и думать, что он сам может сделать, чтобы изменить этого нынешнего холодного и безучастного У Гана.

Погрузившись в такие размышления, Чжоу Сяошу и Ван Лин закончили разговор. Чжоу Сяошу легким шагом вернулся в класс, но У Ган уже ушёл. Улыбнувшись в сторону его парты, Чжоу Сяошу схватил свой рюкзак и отправился домой.

Дорога домой была прекрасной: яркое и тёплое сияние заката окутало западное небо, всё выглядело великолепно и солнечно.

Утром Чжао Ли отвела Чжоу Сяошу к школьным воротам:

— Дорогой, сегодня маме тоже нужно задержаться на работе, возможно, я вернусь чуть позже, поэтому ты сам поучи уроки в школе. Вечером сам сможешь вернуться домой? У тебя с собой ключи?

— Угу, ключи я взял, мама. Я сам дойду, это же недалеко, у меня всё получится.

— Тогда не засиживайся в школе слишком допоздна. Ладно, я всё-таки постараюсь приехать пораньше, чтобы забрать тебя. Ты посиди в школе и подожди меня, максимум на полчаса задержусь. Поучи там уроки, сейчас я позвоню твоей учительнице и объясню ситуацию. Дорогой, веди себя хорошо в школе, не бегай, понял?

— Угу, понял. После уроков я буду ждать тебя в школе.

— Молодец, иди на урок.

Чжао Ли похлопала Чжоу Сяошу по плечу и смотрела, как он бойко шагает в сторону школы. Она вздохнула: в последнее время её что-то беспокоило, словно должно было произойти что-то важное. Чжао Ли всегда доверяла своей интуиции, и та никогда её не подводила.

В обед Чжоу Сяошу пообедал в школьной столовой. Еда, как всегда, была не особо вкусной, но выбора у него не было. Родители днём не бывали дома, и он уже три года питался в школьной «продлёнке». Меню было однообразным, и даже лапша с мясным фаршем и картофелем могла вызвать у учеников настоящий восторг.

После еды он прилёг в классе, чтобы немного поспать. В обеденные ворота закрывались, и ученикам, оставшимся в школе, было некуда пойти. Школьный читальный зал из-за случаев порчи книг больше не открывали для учеников. Чжоу Сяошу часто нечем было заняться, и он просто спал.

Места в классе менялись раз в две недели, и сейчас Чжоу Сяошу сидел ровно посередине, куда с обеих сторон не падал солнечный свет. Глубокая осень уже принесла прохладу, но период отопления ещё не наступил. Поэтому, когда Чжоу Сяошу спал за партой, он всегда чувствовал небольшой холод.

Проснувшись после обеда, он громко чихнул. И на уроках во второй половине дня он то и дело произвольно чихал.

После первого урока, вернувшись в класс из туалета, Чжоу Сяошу увидел на своей парте знакомую керамическую кружку с Питером Пэнном, внутри которой парил чай из корня истода.

— Для профилактики, чтобы не заболел.

— Спасибо.

Услышав слова У Гана, Чжоу Сяошу почувствовал неопишуемое чувство, но радость в нём определенно преобладала.

Он залпом выпил содержимое кружки, затем схватил её и помчался к ближайшему крану, чтобы как можно быстрее её вымыть. Вернувшись, он поспешил поставить кружку на парту У Гана:

— Хе-хей, хорошо, что успел помыть кружку до урока, иначе потом её было бы трудно отмыть.

Улыбка Чжоу Сяошу была немного глуповатой и простой, что совсем не соответствовало его смышлёному характеру, но она всегда излучала тепло, даже слишком много тепла, словно он был очень добрым и его легко обидеть. Однако его никто не трогал — ведь его рост говорил сам за себя, и трудно представить кого-то настолько слепого, чтобы захотеть его обидеть.

Эта тёплая улыбка, попавшая в поле зрения У Гана, который пристально за ним наблюдал, казалась просто божественной.

Три урока во второй половине дня пролетели незаметно. Чжоу Сяошу помнил слова Чжао Ли, сказанные утром, поэтому остался в классе и усердно делал уроки.

У Ган лежал рядом, но через какое-то время поднял голову и посмотрел на Чжоу Сяошу:

— Ты домой не идёшь?

— Сегодня у мамы дела, она велела мне её подождать. — Чжоу Сяошу посмотрел на У Гана, склонив голову набок, и улыбнулся. — А что-то случилось?

— Тогда я тоже пока домой не пойду.

У Ган сказал очень тихо, Чжоу Сяошу не расслышал и вопросительно на него посмотрел. У Ган лишь махнул рукой:

— Ничего, пиши уроки.

— Ага.

Чжоу Сяошу, хоть и был в замешательстве, снова принялся за домашнее задание.

Сегодняшние задания были несложными, а благодаря переменам и времени для самоподготовки он уже сделал почти всё. Чжоу Сяошу быстро закончил, убрал тетради, подпёр голову рукой и начал бездумно постукивать пальцами по парте.

У Ган, словно приняв решение, достал из парты книгу «Лунный камень», вынул оттуда хранившийся там лист гинкго и протянул Чжоу Сяошу:

— Это тебе, спасибо за тот листик.

— Правда? Какой красивый лист гинкго, я никогда не видел такого большого и красивого. У Ган, где ты его нашёл?

У Ган помолчал:

— ...Это мне мама оставила.

— Это... Я не могу его взять.

— Отдал — значит твоё. У меня есть тот кленовый лист и тот, что ты мне подарил — этого достаточно. Всё равно он не пригодится, просто будет пылиться в шкафу.

— Правда отдаёшь мне?

Увидев, как У Ган кивнул, Чжоу Сяошу аккуратно вложил лист в учебник по родному языку и лишь затем с улыбкой посмотрел на У Гана:

— Спасибо. А... Ты не возражаешь, если я спрошу...

— Моя мама была очень добрым человеком.

У Ган, видя его осторожность, понял, о чём тот хочет спросить, и перебил его, заговорив сам:

— Когда я учился в первом классе, она тяжело заболела и ушла. В моей памяти её образ уже размыт, но я помню тот день: она лежала на больничной койке, а за окном был виден сад, в полдень солнечный свет падал на неё. Она протянула руку и погладила меня по голове. Её рука была очень худой, совсем не такой, как в моих воспоминаниях, такой мягкой, но всё равно очень нежной. Это было похоже... похоже на осеннее солнце или на весенний ветерок. На самом деле было очень приятно.

— Честно говоря, пока мама была жива, папа хоть и не особенно уделял мне внимания, но не относился ко мне так, как сейчас. Теперь он, когда вспоминает обо мне, чувствует, что я позорю его, а когда не вспоминает — просто забывает о моём существовании. Вспомнит — даст пару раз, не вспомнит — так двух слов не скажет. Обычно я и не хотел идти домой, просто сидел на дереве под нашим окном, а когда наступало время ужина, шёл домой есть. После ужина я сидел у себя в комнате и в глаза смотрел. Иногда мне казалось, что так жить совсем скучно, и я хотел сделать что-нибудь экстраординарное, чтобы хоть как-то развлечься. Действительно скучно.

У Ган продолжал бормотать, рассказывая о своей жизни, в которой его игнорировали, и о том, как он осознанно создал для себя образ недотроги и ёжика. Чжоу Сяошу чувствовал, что У Ган уже забыл, что рядом есть кто-то ещё. Он никогда не слышал, чтобы У Ган говорил так много. Он даже не мог представить, в какой жизни живёт У Ган. Он слушал его сбивчивый и местами противоречивый рассказ, и перед глазами постепенно начала проступать картина: маленький мальчик сидит на ветке дерева, смотрит в одну точку вдаль и рассказывает своей маме на небесах обо всём, что у него на душе.

Голос У Гана резко оборвался, потому что Чжоу Сяошу внезапно обнял его. Чжоу Сяошу не знал, как выразить свои нынешние чувства. Сострадание? Наверное, оно было, но если бы он действительно выразил сострадание к У Гану, Чжоу Сяошу чувствовал, что это было бы не совсем то. У Гану не нужно было сострадание, ему нужно было...

Автор хотел бы сказать: Надеюсь, вы будете ценить нынешнего наивного и милого болтуна Чжоу Сяошу и молчаливого, но с нежной душой У Гана. Что бы ни случилось дальше, помните, что автор вас любит.

<http://bllate.org/book/17717/1655865>